

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/87/23

РЕАЛИЗМ В КОНСТРУКТИВИСТСКИХ ЭПИСТЕМОЛОГИЯХ

Александра Александровна Аргамакова

*Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории
и философии науки», Москва, Россия, argamakova@gmail.com*

Аннотация. Классификации объектов внутри альтернативных концептуальных схем и конвенциональность границ исследовательских дисциплин вызывают сомнение относительно объективности границ естественных видов, референции терминов к реальным объектам и эссенциальным свойствам. Проблема видится автору вопросом о критериях познания необходимых и достаточных свойств видов и завершенности описаний для онтологических систем, а не только оптимальном способе организации информации и когнитивного труда.

Ключевые слова: философия, социальная эпистемология, аналитическая философия, конструктивизм и научный реализм, номинализм и реализм

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» в МРОО «Русское общество истории и философии науки»

Для цитирования: Аргамакова А.А. Реализм в конструктивистских эпистемологиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 260–269. doi: 10.17223/1998863X/87/23

Original article

REALISM IN CONSTRUCTIVIST EPISTEMOLOGIES

Alexandra A. Argamakova

*Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation,
argamakova@gmail.com*

Abstract. Scientific theories are utilized by researchers within certain constraints pertaining to their consequences, not arbitrarily, as noted by Steve Fuller. Realists, of course, maintain that these constraints are imposed by the external world. They argue that theories “preserve phenomena” not through serendipity, linguistic convenience, methodological choices, or social agreements, but due to ontological necessity. From this perspective, an invariant core of knowledge is transmitted across theoretical shifts throughout history, ensuring that much is not lost to cultural memory. Natural kinds are often cited as exemplars of such necessary knowledge. While disciplines indeed acknowledge the ontological differences and boundaries of such kinds, their formation and evolution are also shaped by intellectual traditions, practical expediency, and more contingent factors such as academic fashion, political influence, commercial benefit, prospects for discovery, and available expertise. The article posits that natural kinds entail a realist commitment, pointing to objective differences in the nature of things that are accessible to reason. In contrast, kinds constructed purely by reason lack this ontological necessity. Philosophers further differentiate other categories of real objects whose existence and internal properties are independent of the mind, even if they are not “natural” in the strict sense. Consequently, classifications cannot disregard the ontology of their objects, even when analyzing the diverse social and epistemic factors that influence cognition. If science is indeed engaged with an extra-social reality, this should be

understood as the action of causes of a diverse nature upon our beliefs (Barry Barnes, David Bloor), rather than a reduction of knowledge to mere social opinions, conventions, or institutional truths (which Barnes and Bloor analyze as “knowledge in the sociological sense”). Ultimately, the boundaries of disciplines are negotiated entities that simultaneously accommodate ontology, intellectual traditions, and local practical contexts.

Keywords: philosophy, social epistemology, analytic philosophy, constructivism and scientific realism, nominalism and realism

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00183: Taxonomies in the Ontological, Methodological and Disciplinary Structures of Science, and carried out in the Russian Society for History and Philosophy of Science.

For citation: Argamakova, A.A. (2025) Realism in constructivist epistemologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 87. pp. 260–269. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/23

Введение

Я не возражаю против основных убеждений социальных эпистемологов, обусловленности знания интересами, конвенциональности дисциплинарных границ, лингвистической и культурной относительности. Социальный конструктивизм поэтому сложно согласуется с реализмом, что демонстрирует, в частности, проблема естественных видов, или множеств объектов, которые должны учитывать объективные различия и объединения, независимо существующие в природе. Антиреализм не принимает во внимание объективные различия и оправдывает знание коммуникативными средствами, когнитивными способностями и социальными институтами. Действительно, как мы преодолеваем свою субъектность и получаем доступ к независимой реальности? Хотя, видимо, этого не требуется, чтобы мы могли надеяться на объективность знания, несмотря на его относительность.

Реализм оправдывали открытием истинных фактов о мире (Л. Витгенштейн); манипулятивным и инструментальным успехом науки, когерентностью и эффективностью научных предсказаний и объяснений (В. Селларс, Я. Хакинг); референцией научных терминов к реальным объектам (Д. Льюис, С. Крипке, Р. Бойд); достоверностью вывода к лучшему объяснению (С. Псилос, А. Берд); аппроксимацией моделей к истинному положению вещей (С. Хокинг, Л. Млодинов); увеличением правдоподобия теорий с прогрессом знания (И. Нийнилуото); сравнительной оценкой и относительным успехом конкурирующих теорий (М. Мизрахи); подтверждаемостью и стабильностью зрелых теорий (С. Псилос, Б. Латур); эволюционной адаптацией когнитивных способностей к приобретению знаний о мире (У. Куайн); способностью когнитивной системы к производству убеждений и интенциональных действий во внешнем мире (Дж. Серл); наконец, существованием естественных видов, различий в самой природе вещей, которые репрезентируют понятия, модели и теории (Д. Льюис, С. Крипке, Х. Патнэм, С. Псилос, Ф. Китчер, А. Берд) [1–5].

С точки зрения социальной эпистемологии, согласие независимых экспертов и коллективов, разделенных временем, пространством, культурой, интересами, институтами и практиками, относительно знания может быть достоверным свидетельством его объективности и независимости от локаль-

ных предубеждений. Если ни одна социальная группа либо мотиваторов, либо производителей, либо бенефициаров, либо потребителей информации не контролирует то, как на практике используется знание, вера в его обусловленность объективной реальностью возрастает [6]. То есть культурная относительность, к которой философы апеллируют с античных времен, чтобы показать преходящую природу знаний, не входит в строгое противоречие с реализмом, совпадение мнений представляет собой такой же социальный факт, как и разногласия субъектов, а различия в убеждениях не означают абсолютную несовместимость точек зрения.

Реалисты обычно оппонируют радикальным версиям социального конструктивизма, и многие принципы социального конструктивизма совместимы с реализмом. Примечательно, что в акторно-сетевой теории Б. Латура и социальном конструировании технологий В. Бийкера и Т. Пинча говорится о том, что конструктивизм не исключает другие эпистемологии и, с чем нельзя не согласиться, открыт для философских интерпретаций.

Далее я постараюсь привести некоторые доводы в пользу реализма, основываясь на представлении о естественных видах, с допущением плюрализма теоретических описаний мира, возможности альтернативных концептуализаций и классификаций объектов и конвенциональности границ дисциплин, оправдываемых конструктивистскими аргументами.

Конструктивизм и научный реализм

Естественные виды, если речь не идет о понятиях в точных науках, подразумевают, что объективные, реальные группы объектов существуют безотносительно познающего разума. Границы видов поэтому должны быть точными и однозначными, проведенными независимой природой, которая устанавливает жесткие дистинкции в видах и родах реальных вещей.

Для Д. Льюиса, С. Крипке и Х. Патнэма естественные виды являются объективными в смысле семантического экстернализма и реализма. В противном случае, виды – это искусственные и сконструированные в уме объединения объектов. Т. Кун, к примеру, называл научные понятия ментальными модулями для обобщения опыта наблюдений. Его точка зрения больше похожа на интернализм и антиреализм, хотя Т. Кун и социологизировал эпистемологию, но коллективное знание не значит объективированное.

Конструктивизм в теории познания, а многие участники этой дискуссии поддерживают философский конструктивизм, не решает спор реализма и антиреализма каким-то одним способом. Среди конструктивистов различаются мнения на этот счет [7]. В аналитической философии Дж. Серл придерживается убеждения, что социальное конструирование реальности, коллективная интенциональность и речевое поведение необходимо предполагают существование внешнего мира [8].

Антиреалисты, подобно номиналистам, не верят в реальность понятий, которые для них слишком изменчивые в зависимости от теории, парадигмы, перспективы восприятия, категорий языка и типа дискурса, исследовательского сообщества и частной культуры. Н. Гудмэн сравнивал познание с созданием символических миров, как в искусстве и литературе, где преобладает ирреализм [9]. По мнению Н. Гудмэна, мы не создаем версии (теории) одного-единственного мира, но живем во множественных действительных мирах

одновременно. Теории верны в отношении систем объектов, и тех и других – несчетное множество.

Дж. Серл в книге «Конструирование социальной реальности» утверждает, что Н. Гудмэн заблуждается относительно того, что мы сами создаем множество миров, и существует один актуальный действительный мир, доказывая, несмотря на это, совместимость реализма с плюрализмом описаний и лингвистической относительностью, которые он объясняет альтернативными перспективами в восприятии общего мира, не обязательно несовместимыми [10. Р. 160–176]. Тем самым Дж. Серл не до конца учитывает следствия из теорий символического интеракционизма. Так как коллективная интенциональность, назначение функций объектам, конститутивные правила и символическая репрезентация предшествуют всем институциональным структурам (как деньги, собственность, государство, гражданство), а социальные факты (как диалог, совместное действие или движение на дороге) либо регулируются, либо создаются системами правил, как считает Дж. Серл, то социальная онтология допускает сосуществование противоположных социальных фактов и нормативных стандартов, т.е. миров с другими возможностями для действий. Приведу в пример амбивалентность институциональных норм, которую установил Р. Мертон, допускающую контрдействия и, более того, конституирующую противоположные действия в виде социальных фактов. Даже если контрнормы применяют в виде исключительных мер на практике, институты отличаются реализацией агентских статус-функций. Другого рода амбивалентность присутствует в следовании речевым правилам в сообществах, когда правила создаются в контексте языковой игры. Дж. Серл считает язык множеством социальных институтов, но применение языка не кодифицировано жесткими, непременно эксплицитными правилами и также зависит от индивидуального опыта, творческих способностей и исполнения, знакомства с речевыми ситуациями и с локальными практиками, или, по убеждению Д. Дэвидсона, с включенностью коммуникаторов в общую внешнюю среду [11]. Н. Гудмэн приводил аргумент о различии воспринимаемого и физического движения, что значит, что субъект имеет дело и с субъективной, и с объективной, физической реальностью, причем восприятие конституирует виды объектов и фабрикует факты. Оправдывая множественность миров, Н. Гудмэн утверждает, что мы не просто создаем описания (версии) одних и тех же фактов, но описания объектов, научные и обыденные, не всегда совместимы и взаимопереводимы, а значит, они относятся к отличным друг от друга фактам. Поскольку мир состоит из индивидов, которые не наделены сущностью, правильными являются многие версии мира, а сам мир множественный, или существует много актуальных миров [9].

Антиреалисты упрекают реалистов в неоправданных допущениях, в эссенциализме, в монизме, в субстанции абстрактных понятий о множествах конкретных индивидов, в невозможности объяснить референцию терминов к реальным объектам с переменной «лучших» теорий. На мой взгляд, номинализм бессмыслен хотя бы потому, что идентичности индивидов конструируются в языке и теориях о мире. Индивид – это тождество объекта в потоке опыта, которое обнаруживают благодаря типизации (отнесению единичного явления к общему источнику). Виды, соответ-

ственно, – это типизация индивидуальных объектов на основе существенных и необходимых свойств и отношений, наличие которых отрицают антиреалисты.

Проблема онтологического статуса таксонов в классификациях удобна в иллюстрации противоположных философских убеждений. Реалисты верят в объективность и точность периодической системы химических элементов и стандартной модели физических частиц. Антиреалисты делают выводы на основании альтернативных моделей объектов, когда допустим плюрализм в теоретических описаниях мира. Например, в биологии соперничают традиционные и кладистические подходы в классификации организмов, последние запрещают объединение поли- и парафилетических видов в общую группу, а это приводит к ревизиям знаний о структуре живого мира. В биологической систематике найдено много примеров, когда виды не являются четко дифференцированными от других естественных видов. Среди таковых – гибриды, симбиоты, сингамеоны, близкие таксоны микроорганизмов. Споры об отнесении видов к более абстрактным таксонам в том числе характерны для биологических систематик разнообразия живого. Классификации ведут себя подобно другим моделям в науке, которые дополняются, перестраиваются и переписываются с открытием новых методологий, объектов, фактов и структурных свойств (код ДНК, вариации в популяциях видов, археологические открытия и т.д.). Некоторые версии реализма допускают плюрализм систем описания мира, включая научные теории. Ученые, значит, описывают реальные свойства объектов, но могут объединять объекты в несхожие множества (например, по принятым критериям биологических видов – морфологическим, цитологическим, археологическим, генетическим, патогномичным и эпидемиологическим основаниям) [12]. Или полученные свидетельства ведут к равно правдоподобным выводам, которые в зависимости от критериев, от эмпирических до прагматических, считают лучшими [1, 2, 4].

Могут ли виды быть естественными, если границы видов зависят от теории, от языка описаний, от конструирования моделей объектов исследователями? Знание о естественных видах, как следует из понятия, подразумевает реализм. Что остается естественного в видах, которые не существуют в самой природе? Прописка в домене точных математизированных наук? Что следует из того, если понятия о естественных видах развиваются в других науках, антропологии, когнитивистике и т.д.? Критики указывают, что для ученых млекопитающие являются естественным видом, и поэтому он объединяет приматов и кошек, но не крокодилов, а четвероногие – неестественный вид, хотя четвероногие объединяют кошек и крокодилов по общему основанию, реальному свойству четвероногости, и, скажем, пауков достаточно точно отличают от непауков по восьми ногам. Даже если биологическая система видов не должна учитывать все естественные виды, потому что построена по определенным основаниям и принципам, то свойство для объединения объектов должно быть существенным для объектов, а не случайным вроде цвета, размера, формы и т.д., чтобы понятие считали естественно-видовым термином. Например, для человека существенно свойство бипедальности и свойство прямохождения, они необходимы, но недостаточны в выделении вида человека и встречаются у других видов животных. Четвероногость характер-

на для многих биологических видов, и хотя понятие полезно в описании естественной морфологии, а также необходимо принадлежит многим индивидам, оно не обозначает вид организмов, поскольку как отдельный признак не является ни наиболее необходимым, ни достаточным свойством для многих из них.

Есть группа понятий, которая объединяет объекты на основании «семейных сходств», а не родовидовых отличий. Философы предполагают, что все понятия могли бы относиться к соответствующей группе. Сходство свойств тем не менее не является тождеством свойств. Вряд ли существует бесконечный ряд атомов водорода с немного другой массой, размером, периодом полураспада, энергией, числом частиц и орбиталей.

Антиреалисты отвергают реальность, в частности, научных доменов, границы которых определяются историей дисциплины и практиками институтов знания. Классификации, значит, основаны не на фундаментальных свойствах объектов, они – продукт научного консенсуса. С другой стороны, ученые конструируют модели объектов, буквально создают их на основе опытных данных и известных фактов о мире. Мышление и бытие в таком случае чем должны различаться? И если ничем, то что из этого следует? Хотя мы знаем, что мыслим разные типы объектов – действительные, возможные, невозможные, фиктивные и т.д. Тем самым мышление и бытие не одно и то же для нас, что бы ни говорили философы. И если мы не мыслим естественные виды в точных границах, возможно, природа наделена качествами, которые являются тому причиной – неопределенностью, непостоянством, историчностью, эволюционной изменчивостью, транзитивностью и т.д. Плюрализм описаний не только культурно обусловлен, хотя культурную детерминацию знаний не нужно доказывать, у плюрализма есть объективные предпосылки – когнитивные и онтологические. Можно сказать, на практике все предпосылки влияют на знание о внешнем мире, и это будет правильно. Сложнее аналитически представить взаимодействие факторов в контекстах познания.

Обсуждаемые вопросы мало известны, хотя в мировой философии продолжительно обсуждаются. По научным моделям в философии, скажем, М. Хессе, М. Морган, М. Моррисон и Н. Картрайт, я не нашла ни одной русскоязычной публикации. В свете рассматриваемых проблем их идеи заслуживают внимания. Модели строятся в отношении систем объектов и различаются, насколько те могут различаться. Модели не должны быть полными и универсальными, они репрезентируют и интерпретируют наборы данных (Н. Картрайт).

Другие философы считают, что естественные виды и эссенциализм объясняют универсальность научных законов и утверждений, а знание объективных границ видов достигается за счет типизации объектов на основе проецируемых, или отображаемых, свойств (*projectable* – в терминах У. Куайна), а также описания систем, в которые объекты входят [5, 13]. Если вид получает описание за счет структурных и необходимых свойств, а не случайных поверхностных признаков, пусть и реальных отличий в свойствах объектах, то идентичности объектов сохраняются в понятии, несмотря на эволюцию теорий. Т. Кун мог привести возражение, что ничто, включая каузальную историю термина, не гарантирует точность референции и что мы не сможем в

дальнейшем реклассифицировать объекты в другие множества с помощью новых оснований и свидетельств, так что последовательные теории станут несоизмеримыми и непереводаемыми с помощью сопоставления терминов двух языков. С другой стороны, вопрос относится к полноте, или завершенности знаний о фундаментальных, структурных свойствах объектов и онтологических системах, в которые объекты входят, от решения которого зависит создание точных типизаций. Дополнительные возражения вызваны семантическим холизмом, который предполагал У. Куайн: понятия теории объединяют семантические связи, и части приобретают смысл от целого, поэтому понятия эволюционируют в популяциях. Семантические взаимосвязи понятий с другими понятиями, моделей с моделями, а теорий с теориями не являются, на мой взгляд, решающим аргументом против познания необходимых эссенциальных свойств объектов и стабильности референции терминов. Понимание же данных свойств зависит от всех теоретических контекстов, в которых применяется научный термин.

С точки зрения истории наука является частью философии и сравнительно недавно институционально отделяется от последней и дифференцируется на современные специальности, которые продолжают эволюционно развиваться. В античности Платон и Аристотель считали метафизику главной наукой о первых принципах и причинах бытия, а другие науки разделяли на теоретические (физика, биология, математика, астрономия, логика), практические (этика, политика, эстетика) и технические (искусства и ремесла). Многие школы греческой и римской философии создали свои версии этой дисциплинарной структуры, которые не слишком радикально противоречат идеям афинских классиков, а кроме того, в античности сложился тривиум и квадравиум учебных дисциплин, который в средневековье составит основу университетского образования [14]. В античной философии, помимо этого, зарождаются другие известные до настоящего времени практические дисциплины, а именно: грамматика, риторика, музыка, юриспруденция, медицина, минералогия, военное и другие искусства, которые философы будут классифицировать по разным основаниям. В христианском мире место философии занимает теология, и долгое время науки пребывают в тени религиозной мысли и ее трактовок естественной и социальной истории, хотя известно, что серьезные научно-философские трактаты все-таки появлялись до изобретения экспериментального метода и становления современной науки.

В средние века корпус университетских дисциплин включал свободные науки и искусства (тривиума и квадравиума), а специализация велась по трем направлениям, востребованным профессиям в средневековом обществе (теологии, юриспруденции и медицине). Исследования проводили преподаватели университетов, теологи, последователи религиозных орденов, интеллектуалы-гуманисты, придворные ученые и государственные служащие. Изменение интеллектуальной атмосферы Европы произошло с XVI по XVIII в. И только после этого времени складываются современные области научного знания в тесном взаимодействии с академиями наук, учеными обществами и исследовательскими университетами. Науки радикально отделяются от религии, а философия образует самостоятельную область гуманитарных знаний, наследующую дисциплинам, как метафизи-

ка и антропология, эпистемология и логика, политика и социальная философия, этика и эстетика. В продолжении XIX и XX вв. от философии помимо прочего отделяются ориентированные на эмпирическую и экспериментальную методологию социальные науки. Теперь видно, что области наук и философии не оставались статичными в ходе продолжительной истории. Проблемы, методы и теории перемещались между дисциплинами и областями знаний. Дисциплины возникали и исчезали, дифференцировались и объединялись друг с другом. Поэтому верно, что поле науки является картой, на которой размечаются завершённые исследования и известные истины, т.е. многое в данном отношении определяется оптимальными способами организации когнитивного труда, структурой и практиками институтов знания. Можно привести для сравнения организацию департаментов, списки университетских дисциплин и образовательных программ, преподаваемых в настоящее время на философских и других факультетах в российских и западных университетах в качестве примера альтернативных «ментальных карт» и образовательных траекторий для подготовки будущих специалистов и профессиональных исследователей [15].

Несмотря на это, теории одних ученых применяются другими учеными с ограничениями, которые существуют в отношении следствий научных теорий, а не любым произвольным способом, по замечанию С. Фуллера [6. Р. 61]. Реалисты, конечно же, уверены, что ограничения обусловлены внешним миром и что теории «сохраняют феномены» не в силу случайности, удачного совпадения, удобства языка, выбора методов и достигнутых договоренностей, а онтологической необходимости, нам известной, и существует инвариант знания, который транслируется с переменой теорий в продолжении истории, а также многое не теряется в исторической памяти культуры. Естественные виды являются примером подобного необходимого знания. Дисциплины учитывают онтологические различия и границы видов, продолжают интеллектуальные традиции, следуют за практической целесообразностью и более случайными обстоятельствами, как мода, политика, коммерческая выгода, перспективы открытий, кадровый потенциал и т.д.

Заключение

В статье было сказано, что естественные виды влекут за собой реализм, указывая на объективные различия в природе вещей, познаваемые разумом. В видах, сконструированных чистым разумом, нет онтологической необходимости. Философам известны и другие виды реальных объектов, которые не зависят от разума в смысле автономного существования и внутренних свойств, хотя они не являются естественными. Классификации не могут не учитывать онтологию объектов, даже когда мы исследуем многообразие факторов, от социальных до эпистемических, влияющих на познание. Если наука не имеет дело с внесоциальной реальностью, это должно быть понято в качестве действия причин различной природы на наши убеждения (Б. Барнс, Д. Блур), а не редукция знания к социальным мнениям и конвенциям, а кроме того, институциональным истинам (о чем Б. Барнс и Д. Блур говорят как о знании в социологическом смысле). Границы дисциплин учитывают онтологию, интеллектуальные традиции и локальные практические контексты одновременно.

Список источников

1. Bird A. Scientific Realism and Epistemology // Saatsi J. The Routledge Handbook of Scientific Realism. London : Routledge, 2017. P. 419–433. doi: 10.4324/9780203712498
2. Chakravartty A. Scientific Realism // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2017. <https://plato.stanford.edu/entries/scientific-realism/>
3. Mizrahi M. In Defense of Relative Realism: A Reply to Park // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2021. Vol. 10, № 1. P. 1–6. <https://wp.me/p1Bfg0-5AC>
4. Rowbottom D.P. A Methodological Argument Against Scientific Realism // Synthese. 2021. Vol. 198. P. 2153–2167. doi: 10.1007/s11229-019-02197-7
5. Brzovic Z. Natural Kind. Internet Encyclopedia of Philosophy. 2025. <https://iep.utm.edu/nat-kinds/>
6. Fuller S. Social Epistemology. Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1988. 316 p.
7. Elberle T.S. Concepts of Realism in Constructivist Approaches // Sociologica. 2023. Vol. 17, № 1. P. 155–173.
8. Harding T. Searle's Case for Realism // The Logical Place. 2014. <https://yandoo.wordpress.com/2014/11/18/searles-case-for-realism/>
9. Goodman N. Ways of Worldmaking. Verlag : Harvester Press, 1978. 142 p.
10. Searle J.R. The Construction of Social Reality. New York : Free Press, 1995. 241 p.
11. Apgar D. Radical Interpretation and Belief Segregation // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2025. Vol. 14, № 5. P. 92–102. <https://wp.me/p1Bfg0-9SH>
12. Deng Z., Xuyang X. et al. ANI Analysis of Poxvirus Genomes Reveals Its Potential Application to Viral Species Rank Demarkation // Virus Evolution. 2020. Vol. 8, № 1. P. 1–10. doi: 10.1093/ve/veac031
13. Stanford P.K., Kitcher P. Refining the Causal Theory of Reference for Natural Kind Terms // Philosophical Studies. 2000. Vol. 97. P. 99–129.
14. Furner J. Classification of the Sciences in Greco-Roman Antiquity // Knowledge Organization. 2021. Vol. 48, № 7-8. P. 499–534.
15. Open Syllabus Galaxy. URL: www.galaxy.opensyllabus.org

References

1. Bird, A. (2017) Scientific Realism and Epistemology. In: Saatsi, J. (ed.) *The Routledge Handbook of Scientific Realism*. London: Routledge. pp. 419–433. DOI: 10.4324/9780203712498
2. Chakravartty, A. (2017) Scientific Realism. In: Zalta, E.N. (ed.) *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/scientific-realism/>
3. Mizrahi, M. (2021) In Defense of Relative Realism: A Reply to Park. *Social Epistemology Review and Reply Collective*. 10(1). pp. 1–6. [Online] Available from: <https://wp.me/p1Bfg0-5AC>
4. Rowbottom, D.P. (2021) A Methodological Argument Against Scientific Realism. *Synthese*. 198. pp. 2153–2167. DOI: 10.1007/s11229-019-02197-7
5. Brzovic, Z. (2025) *Natural Kind*. *Internet Encyclopedia of Philosophy*. [Online] Available from: <https://iep.utm.edu/nat-kinds/>
6. Fuller, S. (1988) *Social Epistemology*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
7. Elberle, T.S. (2023) Concepts of Realism in Constructivist Approaches. *Sociologica*. 17(1). pp. 155–173.
8. Harding, T. (2014) Searle's Case for Realism. *The Logical Place*. [Online] Available from: <https://yandoo.wordpress.com/2014/11/18/searles-case-for-realism/>
9. Goodman, N. (1978) *Ways of Worldmaking*. Verlag: Harvester Press.
10. Searle, J.R. (1995) *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press.
11. Apgar, D. (2025) Radical Interpretation and Belief Segregation. *Social Epistemology Review and Reply Collective*. 14(5). pp. 92–102. [Online] Available from: <https://wp.me/p1Bfg0-9SH>
12. Deng, Z., Xuyang, X. et al. (2020) ANI Analysis of Poxvirus Genomes Reveals Its Potential Application to Viral Species Rank Demarkation. *Virus Evolution*. 8(1). pp. 1–10. DOI: 10.1093/ve/veac031
13. Stanford, P.K. & Kitcher, P. (2000) Refining the Causal Theory of Reference for Natural Kind Terms. *Philosophical Studies*. 97. pp. 99–129.
14. Furner, J. (2021) Classification of the Sciences in Greco-Roman Antiquity. *Knowledge Organization*. 48(7-8). pp. 499–534.
15. Open Syllabus Galaxy. [Online] Available from: www.galaxy.opensyllabus.org

Сведения об авторе:

Аргамасова А.А. – кандидат философских наук, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия).
E-mail: argamakova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Argamakova A.A. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: argamakova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 24.10.2025
The article was submitted 20.08.2025;
approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 24.10.2025*